

Благодаря многочисленным разысканиям по истории и этимологии отдельных слов русского языка и целых тематических лексических групп, по лексике отдельных древнерусских памятников письменности, благодаря, далее, таким лексикографическим трудам, как «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 1—9. М., 1975—1982), «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. I—IV, М., 1964—1973), «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)» под ред. О. Н. Трубачева (1—9. М., 1975—1982), в настоящее время возникла возможность некоторых (пусть в известной мере предварительных) обобщений в области русской исторической лексикологии.

Эта возможность еще в 1975 г. была успешно реализована В. Кипарским¹, а в 1980 г. — И. Еленским в рецензируемой монографии².

Хотя оба труда написаны как вузовские пособия, они заслуженно вызывают большой интерес у всех исследователей истории русской лексики и вполне могут быть использованы в качестве справочников специалистами-славистами. Не будет преувеличением сказать, что книга И. Еленского знаменует собой заметное явление в науке об истории русской лексики.

По своему построению и принципам подачи материала книга И. Еленского очень близка к монографии В. Кипарского: не задаваясь целью изложить в небольшом томе всю историю формирования и развития словарного состава русского языка, автор как бы штрихами обозначил основные ее моменты. Каждое рассматриваемое слово описано предельно лаконично: представлены его графико-орфографический вид, семантика; указан возраст лексемы и, если она не исконная, то источник заимствования. Слова объединяются по тому или иному признаку и даются списками. Каждому из списков предпосылаются некоторые общие соображения автора.

В этом отношении от монографии В. Кипарского книга И. Еленского существенно отличается, пожалуй, лишь специальным рассмотрением (в 1-м разделе) исчезнувшей лексики разного происхождения и возраста (такого раздела нет у В. Кипарского), и это связано с различием авторских концепций развития словарного состава, о чем ниже мы скажем особо.

Монография построена следующим образом: предисловие (2—3); введение (4—53); раздел I — исчезнувшая лексика: А — слова индоевропейского происхождения (54—67); Б — слова балто-славянского происхождения (67); В — слова праславянского происхождения (68—74); Г — общеславянскославянские слова (74—79); Д — слова с невыясненным происхождением (79—82); заимствования (82—105); раздел II — унаследованная лексика: А — индоевропейизмы (106—159); Б — слова балто-славянского происхождения (160—170); В — слова праславянского происхождения (171—195); раздел III — заимствованная лексика: общие сведения (196—197); 1) заимствования допетровской эпохи (197—238); 2) заимствования XVIII—XIX вв. (239—286); список цитированной литературы (287—290).

По-видимому, идя по пути жесткого ограничения своих задач, автор не останавливается специально на разных способах словообразования и не дает списка морфем русского языка, в противоположность В. Кипарскому.

Процесс развития словарного состава, считает И. Еленский, выражается «в пополнении новыми словами, неотступно сопровождающемся устареванием и исчезновением других слов» (50; разрядка наша). Это в общих чертах верно, хотя следует иметь в виду, что не всякое появление нового слова неотступно влечет за собой архаизацию и последующее исчезновение другого слова. Так, появление уже в древнерусском языке тюркизма *лошадь* не привело к исчезновению из нашего языка общеславянского термина *конь*; заимствование латинизма *дефект* (через немецкопольское посредничество) и германизма *брак* ('о плохом качестве изделия') не привело к исчезновению русских синонимов *изъян*, *недочет*. Произошло лишь определенное сужение в употреблении исконных слов. Ориентализм *сабля* не вытеснил близкое ему по значению слово *меч*(ь). Из подобных фактов явствует, что И. Еленский склонен несколько преувеличивать степень подвижности сло-

варя. Автор пишет: «... Темп и, что важнее, характер «движения» различных уровней (фонетического, фонологического, морфологического, синтаксического, словарного, стилистического) различны. Одни преобразования осуществляются постепенно, крайне медленно, другие, наоборот, протекают бурно и в короткий срок приводят к радикальным изменениям» (48); «подвижность словаря по сравнению с подвижностью других уровней языка отличается интенсивностью» (49).

Как видим, автор формулирует точку зрения, которой придерживаются многие лексикологи-русисты. Но дело в том, что если русских фонем всего четыре десятка, а морфем — сотни, то лексем сотни тысяч, и о темпах изменения языковых единиц на разных «уровнях» нужно судить исходя не из абсолютного количества новых явлений здесь и там, а из пропорционального соотношения этих новых единиц и остальных единиц на каждом данном языковом уровне. В результате такого корректного сопоставления приходят к весьма правдоподобному выводу о том, что различия в темпах и интенсивности развития лексики по сравнению с другими уровнями языка до сих пор явно преувеличивались³. Не чем иным, как одним из отражений такого преувеличения является мысль о графическом изобразении, по В. Кипарскому, развития лексики русского языка в виде перевернутой пирамиды. И. Еленский поддерживает высказанную нами в 1977 г. критику этой концепции: «Считается, что слов, исчезнувших и замененных другими, несравненно меньше новопоявившихся (так! — Г. О.). Некоторые ученые сравнивают развитие словаря с перевернутой пирамидой (Кип.: 16). Однако количество исчезнувших — величина неизвестная, и поэтому такое сравнение вряд ли удачно» (50). Эта позиция И. Еленского связана с большим вниманием его к исчезнувшей лексике, в противоположность В. Кипарскому, к сожалению уделившему архаизмам чрезвычайно мало места. Тем самым И. Еленский более объективно реконструирует состав древнерусской лексики.

Говоря о задачах исторической лексикологии, автор подчеркивает, что она «использует терминологию и теоретические достижения современной лексикологии (так не совсем удачно названа лексикология современного русского языка. — Г. О.), поэтому она не занимается общей теорией слова, или, например, теорией системности лексики и пр.» (8).

Такое утверждение вряд ли следует приветствовать. Д. Н. Шмелев, выясняя различия между лексикологией современного русского языка и исторической лексикологией, отнюдь не считает привилегией первой из них разработку теоретических основ исследования лексики, упоминая эти вопросы до и после рассмотрения задач каждой из двух этих дисциплин, очевидно, полагая, что теоретические вопросы должны в равной мере учитываться и разрабатываться как при синхроническом, так и при диахроническом исследовании лексики⁴.

Думается, что разработка теоретических проблем в той или иной форме имеет место в любом серьезном лексикологическом исследовании; концентрированно же все эти проблемы должны рассматриваться в общей (или теоретической) лексикологии. Определение о б щ а я в этом случае ясно выражает, что теоретические проблемы в равной мере должны учитываться и разрабатываться на конкретном языковом материале как в исторической, так и в неисторической лексикологии. Несмотря на всю очевидность этого, исследователи в области русской исторической лексикологии, отдавая много сил и времени поискам свежих, неопубликованных лексических материалов (например, рукописных), к сожалению, нередко считают себя свободными от теоретического осмысления добытых данных. Между тем такое осмысление дает возможность видеть не только языковые факты, но и аргументированно раскрыть закономерности их формирования и развития. Например, историк-лексикологу многое дает системный подход к изучению лексики, рассмотрение его материала по лексико-семантическим группам; однако в этом случае исследователь должен выяснить, что представляют собой эти объединения, как это сделал в свое время Ф. П. Филин⁵, и по каким объективным признакам отдельные слова должны входить в одну подобную группу, в отличие от слов, которые либо входят в другую аналогичную группу, либо не входят ни в одну из лексико-семантических групп⁶. Исходя из этого, исследователь неизбежно приходит к вопросу о том, системна ли лексика, и выяснит, что она ярко системна в центральной своей части, в которой представлены наиболее употребительные слова; по мере удаления от этого центра системность лексики постепенно становится все менее ярко выраженной и практически утрачивается

на самой периферии языка (куда мы относим крайне редкие, а также «чужие» слова, «варваризмы», так и не ставшие заимствованиями, еще не вошедшие в активное употребление неологизмы и т. д.). Системное изучение лексики помогает описать историю многих «темных» слов и выяснить лингвистические (а не только экстралингвистические) причины и условия исчезновения тех или иных слов из русского языка.

И. Еленский выделяет несколько задач исторической лексикологии: определение лексического значения слов и их семантической эволюции; выяснение причин исчезновения из языка одних лексем и вращения в его систему других; изучение «внутреннего перемещения» слов по «стилистической шкале»; установление периодизации развития словарного состава (9—10). При этом стилистический аспект исследования автор считает самым важным (10), что сомнительно, если иметь в виду историческую лексикологию в целом; автор и сам ниже пишет, что движение по «стилистической шкале» должно быть «предметом исторической стилистики» и потому он это движение в своей работе не прослеживает (51).

К сожалению, в разделе «Предмет и задачи исторической лексикологии» автор не говорит о других задачах исторического изучения лексики — генетической (этимологической), историко-диалектологической, экстралингвистической (предварительное обращение к самим реалиям, которые обозначены рассматриваемыми словами), достоверности отдельного засвидетельствованного в источнике слова, а также о задаче выявления наиболее активных (продуктивных) для конкретной языковой эпохи словообразовательных моделей. Впрочем, в других разделах книги автор обращается к диалектологическому, словообразовательному и этимологическому аспектам изучения лексики.

Большую часть обширного введения занимает очерк, посвященный источникам исторической лексикологии, где автор, естественно, уделяет основное внимание письменным памятникам, справедливо подчеркивая, что в них нашли неодинаковое отражение разные лексические пласты, например, скудно представлены названия деревьев, грибов, птиц. Что касается наименований рыб, то их И. Еленский напрасно ставит в данный ряд: ихтионимов довольно много в приходо-расходных и других монастырских хозяйственных книгах, преимущественно неопубликованных.

Интересно следующее замечание: «...Общественнославянской книжной письменности, усвоенной в Древней Руси на базе христианского кодекса, была органически чужда та система представлений, понятий, наконец, образов, которая основывалась на языческом культе, и которая, несомненно, находила определенное языковое выражение, прежде всего лексическое, в устной традиции. Поэтому само «словесное» воспроизведение понятий, противных и чуждых христианству, могло не получить отображения в памятниках, созданных под непосредственным влиянием религиозной христианской идеологии» (25).

И. Еленский справедливо обращает внимание на жанровую обусловленность лексико-содержательной стороны письменных памятников: «Если мы изучаем, напр., метрологию, то наиболее подходящими являются так наз. «книги таможенного дохода», разного рода росписи, отчетные грамотки из поместий и вотчин и т. п. Военную лексику XV—нач. XVII вв. лучше всего изучать по рядным книгам. Точные сведения о начале проникновения западноевропейских слов, например, можно почерпнуть по так наз. «статейным спискам» и т. д. (26—26).

Автор нигде не дает какого-либо перечня важнейших памятников хотя бы древнерусской письменности XI—XIV вв., не говоря уже о памятниках более поздних. В таком случае следовало бы, как нам кажется, сослаться на 1—2 работы, в которых можно найти достаточно подробный перечень таких письменных источников⁷.

В особый подраздел введения автор включает характеристику «различного рода лексикографических пособий». Неоправданно высокая оценка дана книге П. Савvaitова «Описание старинных царских утварей, оружия, ратных доспехов и конского прибора» (46; год издания не указан; книга издавалась дважды — в 1865 и 1896 гг.). В книге П. Савvaitова есть неточности. Документ, известный под названием «Опись имущества Бориса Годунова», датируется 1589 годом вместо правильной датировки 1588 г.⁸ и публикуется им не в полном виде, причем нигде это не оговаривается, что влечет за собой нежелательные последствия. Некоторые названия оружия толкуются у П. Савvaitова произвольно, неверно;

кончар отождествляется семантически с сущ. *хонжар*, дано мнимое значение слова *кончаръ* — 'кончар' и т. д.

Рассматривая лексикографические источники, отражающие лексику XI—XVII вв., автор по недосмотру не упоминает «Словаря русского языка XI—XVII вв.», хотя вып. 1—5 этого словаря (М., 1975—1979) в книге использованы. Количество слов, толкуемых в нем, неизмеримо больше, чем в любом другом историческом русском словаре на буквы А—К, и уже одно это является бесспорным преимуществом данного словаря: благодаря ему в руки исследователей попадает новый интереснейший материал. Из иностранных старинных словарей и разговорников по русскому языку автор не упоминает псковско-нижнегерманский разговорник 1607 г.⁹ В целях изучения словообразовательных процессов древнерусской лексики следовало бы упомянуть обратный словарь древнерусского языка, «зеркально» отражающий известные «Материалы. . .» И. И. Срезневского¹⁰.

Концептуально обусловленная склонность автора несколько преувеличивать число исчезнувших из русского языка слов явственно прослеживается при знакомстве с 1-м разделом книги (57—104), о чем свидетельствует уже сам материал этого раздела. В частности, автор напрасно относит некоторые слова к исчезнувшим из русского языка: 1) *весь* 'село, деревня' (59) — отмечается как употребительное в толковых словарях современного русского языка, хотя и с пометой (*устар.* (Ушаков I, 263; Ожегов 1981, 70; Сл. рус. яз. АН СССР. I. М., 1981, 157 — с примером из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова); 2) *выспрннии* 'верхний' (96) — в форме *выспрнний* употребляется фигурально как синоним прилагательного *высокопарный*, *высокий* (о стиле). — Ожегов 1981, 108; Ушаков I, 506 — с пометой *книжн.*; Сл. рус. яз. АН СССР. I, 283 — с пометой *устар.*); 3) *дольний* 'нижний; земной' (71) — в обоих значениях употребляется традиционно-поэтически у А. С. Пушкина («Пророк»), А. К. Толстого («О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увяда»), В. Брюсова («Служителю муз») и т. д. — Сл. рус. яз. АН СССР. I, 425; 4) *онáгръ* 'дикий осел' (99) — даже в самом последнем из вышедших в свет толковых словаре русского языка *онáгр* 'дикий осел юго-западной Азии' дается без ограничительной пометы *устар.* (Ожегов 1981, 398); 5) *туры* (ед. *туръ*) 'корзины с землей на крепостном валу' (82). — Слово не исчезло и употребляется, например, в «Севастопольских рассказах» Л. Толстого и именно в данном значении как современный писателю термин.

Все эти 5 слов имеются и в Словаре современного русского литературного языка АН СССР в 17-ти томах: *выспрнний* 'высокопарный', 'возвышенный', *онáгр* и *тур*, мн. *туры* (с примером из «Севастопольской страды» С. Н. Сергеева-Ценского) даны в этом словаре без пометы (*устар.* (II, М.—Л., 1951, 1241; VIII, М.—Л., 1959, 864; XV, М.—Л., 1963, 1146), *весь* 'селение' и *дольний* — с такой пометой (II, М.—Л., 1951, 232; III, М.—Л., 1954, 947); как видим, все они в современном русском языке известны.

Далее. Если слова типа *возгря*, не будучи общепонятными, известны в отдельных говорах (59), то, наверное, говорить о том, что такие слова исчезли из языка, было бы преждевременно, особенно если учесть, что диалектизмы могут с течением времени становиться общеупотребительными словами.

Список исчезнувших слов, приводимый в книге, станет несколько меньшим, если принять во внимание, что в него дважды попало одно и то же существительное *кошута* 'лань; коза' (XI в.), причисляемое на странице 70 к лексике праславянского происхождения, а на странице 93 — к заимствованиям из старославянского. Аналогично дважды дается слово *ропата*, *ропать* 'мечеть, языческий храм' — оба раза со ссылкой на один и тот же контекст (Ип. л. 987 г.), в котором употреблено это слово: на странице 87 оно отнесено к тюркизмам, а на странице 100 — к грецизмам.

И. Еленский подчеркивает, что этимологические справки о всех рассматриваемых в его книге словах он позаимствовал из словарей М. Фасмера, А. Г. Преображенского, Е. Н. Шиповой и др. О слове *кордь* 'род меча' сообщается, что оно заимствовано через «прабулгарский» из новоперсидского *kārd* (87). Историко-лексикологические факты, связанные со старорусским иранизмом *кордь*, позволяют поставить вопрос о возможности заимствования этого термина непосредственно из польского *korđ*, восходящего в свою очередь к чешскому *kord*, которое, как полагают, из венгерского источника¹¹. *Лагирь* 'топор', характеризуется

как слово с невыясненным происхождением; так и у М. Фасмера. О. Н. Трубачев в устном замечании автору настоящей рецензии объяснил его из ср.-греч. λάβρος 'топор', причем не исключено тюркское посредство, которое, как считает И. Г. Добродомов, объясняло бы превращение сочетания звуков -βρ- в -gir.

Семантические толкования слов И. Еленский дает, исходя из их определенных в исторических словарях русского языка и других лексикографических и лексикологических трудах, но не делает наблюдений над употреблением слов непосредственно в древнерусских текстах, не внося тем самым своего вклада в толкование семантики рассматриваемых в книге слов.

Несомненными достоинствами книги И. Еленского следует признать насыщенность ее фактическим материалом и последовательно выдержанный принцип историзма в подходе к его анализу. Это в равной мере относится и к первому, и к двум последующим разделам монографии. В первых двух из них сначала рассматривается лексика индоевропейского происхождения, затем балто-славянского, далее общеславянского (праславянского) происхождения; после чего представлены общевосточнославянские слова, причем исконная лексика рассматривается в строго определенной последовательности по таким именно тематическим группам: термины родства; названия частей тела, заболеваний и др.; наименования предметов и явлений неживой природы; названия животного мира, растительного мира; названия действий; обозначения качеств, признаков, абстрактных понятий; названия предметов материальной культуры; местоимения, наречия, служебные слова.

Займствованные же группируются по источникам — от более древних к менее древним, например, в третьем разделе сначала даны списки займствований допетровской эпохи (иранизмы, германизмы, тюркизмы, старославянизмы, именуемые в книге «древнеболгаризмами», грецизмы); далее следуют займствования XVIII—XIX вв. (из финно-угорских, балтийских, польского, немецкого, голландского, французского, английского, итальянского, латинского языков).

Во II разделе заслуженно большое внимание уделено унаследованной лексике индоевропейского и праславянского происхождения. Автор поставил перед собой задачу «по этимологическим словарям представить более или менее исчерпывающе весь и.-е. запас слов в РЛЯ (русском литературном языке. — Г. О.)» (159).

Следует подчеркнуть, что его список русских слов индоевропейского происхождения дает достаточно верное представление об этом лексическом пласте. Ограничимся одним примером характеристики индоевропейских по происхождению слов у И. Еленского: «*гладкий* — всеслав. // нем. *glatt*. Праславянское образование от *гладъ*, и.-е. **ghla-dhu-*, вариант корня **ghel-*. От *гладкий* образовано *гладь*» (143). Здесь сокращенное «всеслав.» обозначает, как и везде в книге, 'общеславянский', о чем автор специально сообщает на стр. 107 в подстрочном примечании. Есть ли, однако, необходимость в замене одного, к тому же общепринятого, термина другим?

Говоря об общеславянском *конь*, автор добавляет: «Неясно». Действительно, этимология данного слова до сих пор не была выяснена. Новое и убедительное решение предложено недавно О. Н. Трубачевым: **конь* заимствовано из кельтского **konko* с переосмыслением его как деминутива, ср. *конок*, *коньки*, *коник* ¹².

В книге весьма широко представлена заимствованная лексика. И. Еленский, вероятно, преувеличивает процент старославянизмов в русском языке, когда пишет, что нет ничего удивительного, если некоторые исследователи считают этот процент до 70 и больше. Не опровергая какими-либо своими расчетами подсчеты Ф. П. Филина, пришедшего к выводу, что старославянизмов в современном русском языке 12 %, И. Еленский в то же время пишет, что это «вряд ли приемлемо» (221).

Из заимствованной лексики у И. Еленского довольно скудно представлены англицизмы, как и в упоминавшейся нами монографии В. Кипарского (1975 г.). Это наводит на мысль о недостаточной изученности англицизмов в отечественных лексикологических исследованиях. В перечне англицизмов у И. Еленского (276—277) мы не найдем таких слов, как *клуб* (и *клуб*, устар.), *жокей*(ш), широко употребительных уже в 1-й четверти XIX в. (эти слова встречаются, например, в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, 1824 г.), нет междометия *есть!*, возникшего в результате своеобразной контаминации исконного русского глагола *быть*

в 3 л. ед. ч. наст. времени с английским междометием *yes* 'да': Петр I требовал от моряков отвечать на команду офицеров только по-английски, и малопонятное *yes* стало звучать у боцманов и матросов как *есть*, что вполне устраивало и офицера, — слова по звучанию близки, и формально устав был соблюден. Недостаточно полно в работе И. Еленского представлены и балтизмы. Например, среди них не находим слова *дылда* 'длинноногий, долгоязыкий, вервиль' (Даль³ I, 1261), обнаруженное нами уже в одной из рукописей XVII в.¹⁴ Ю. А. Лаучоте доказывает, что версия об искономном происхождении этого слова у славян неверна и что оно заимствовано из балтийских языков¹⁵, ср. лит. *dilda* 'дылда', лит. *dilda* 'неповоротливый человек'. Ю. А. Лаучоте приводит в своем словаре список (возможно, впрочем, несколько преувеличенный) 364 балтизмов в русском языке и его говорах, тогда как у И. Еленского их всего 18 (с. 233). В целом, однако, заимствованиям уделено в книге должное внимание. Автор справедливо указывает на важность учета времени и путей заимствований, восходящих этимологически в конечном счете к одному и тому же источнику, но пришедших в русский язык разными путями и в разное время: «В русском языке имеются случаи, когда слово заимствуется — одновременно или в разное время — из разных языков. Например, араб. *jubba* лежит в основе четырех самостоятельных русских слов: *жупан*, заимствованное в XV в. из пол. *zupan*, восходящего к ит. *giurpone*. То же самое итальян. слово через гр. *ζιβωνι* дало рус. *зипун*. Араб. *jubba*, однако, было заимствовано еще в общеславянское время через ср.-в.-н. *schibe* 'длинное верхнее платье' в виде *шуба*, а в XVIII в. через пол. *jurka*, возникшее на базе ср.-в.-нем. *jorre*, *jurre* 'кафтан', оно было заимствовано в виде *юбка*. Подобная история *балкон* и *балаган*, *сатана* и *шайтан*. . . » (23). Заметим попутно, что автор напрасно считает *балаган* тюркизмом (218): слово пришло в русский язык из тунгусо-маньчжурского источника¹⁶.

Некоторые опечатки: *шканать*' (70) — надо *шкабатъ*; *клик* (106) — надо *кльк*; праслав. **cistiti* (166) — надо **čistiti* и т. п.

В заключение подчеркнем, что некоторые неточности неизбежны при лаконичном изложении, свойственном обобщающим и сравнительно небольшим по объему историко-лексикологическим трудам, подобным книге И. Еленского, и мы должны отметить, что рецензируемое исследование выполнено на высоком научно-профессиональном уровне и займет достойное место в русской исторической лексикологии.

¹ Kiparsky V. Russische historische Grammatik. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.

И. Еленский напрасно называет эту работу «мало удачной», хотя и ставит ее несколько выше монографии П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период». М., 1956 (см. предисловие в рецензируемой книге И. Еленского, 2). Общая весьма высокая оценка труда В. Кипарского и отдельные частные замечания высказаны нами в рецензии на этот труд. См.: ВЯ, 1977, 1, 134—140.

² К такого рода обобщающим работам, вероятно, не следует относить любезно указанную нам Г. А. Богатовой монографию С. Д. Ледяевой «Очерк по исторической лексикологии русского языка». Кишинев: «Штиинца», 1980, так как в этой монографии рассмотрены лишь две тематические группы слов — военная лексика XI—XIII вв. и железнодорожная терминология XIX столетия, — не связанные между собой ни хронологически, ни семантически.

По разработке истории древнерусской военной лексики монография С. Д. Ледяевой страдает существенной неполнотой материала и библиографии. Так, из «Слова о полку Игореве» рассматриваются термины *засажожникъ* (51), *харалужный мечь* (48), но даже не упоминаются сущ. *шереширь* и *сулица*, встречающиеся в том же «Слове». Говоря о названии *засажожникъ*, автор странным образом обходит молчанием несомненно более древний связанный с ним древнерусский термин *кожь*. Рассмотрены слова *копыя*, *рогатина* (52—53), но отсутствуют древнерусские названия метательного копыя *луца* (и *луца*, *лѣща* и проч.), *совь*, а также диал. др.-рус. *рогатыня*.

Этимологические справки даются нерегулярно. Названная выше моно-

- графия В. Кипарского (1975 г.), к сожалению, не учтена и не использована С. Д. Ледяевой.
- ³ Такова, например, точка зрения И. Г. Добродомова, изложенная им в одной из еще не опубликованных работ.
 - ⁴ Шмелев Д. Н. Лексикология. — В кн.: Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Филин Ф. П. М., 1979, 126—128.
 - ⁵ Под лексико-семантическими группами, именуемыми иногда также семантическими микросистемами, мы понимаем, вслед за Ф. П. Филиным, такие лексические объединения, которые состоят из семантически взаимообусловленных компонентов, имеющих однородные, сопоставимые значения и относящихся к какой-либо одной части речи (см.: Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов. — В кн.: Эзиковедские исследования в честь академика Стефан Младенов. София, 1957, 536—537).
 - ⁶ О признаках, по которым устанавливается состав каждой лексико-семантической группы, см.: Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980, 13.
 - ⁷ Назовем со своей стороны два таких труда: Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962; Словарь русского языка XI—XVII вв. Указатель источников. М., 1975.
 - ⁸ Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, 1584—1725 гг., вып. I. М., 1877, 5.
 - ⁹ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Copenhagen, 1961, I; 1970, II.
 - ¹⁰ Dulewicz I., Grek-Pabisowa I., Maryniak I. Index a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968.
 - ¹¹ Одинцов Г. Ф. К истории старорусских названий мечей. — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, 100—102.
 - ¹² Грубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Славяне по данным этимологии и ономастики. — ВЯ, 1982, 5, 10—11.
 - ¹³ Филин Ф. П. О генетическом и функциональном статусе современного русского языка. — ВЯ, 1977, 4.
 - ¹⁴ Столбцы Архива Оружейной палаты. ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ч. 8, № 9803, л. 58, 186. 1665 г.
 - ¹⁵ Лаучюте Ю. А. Лексические балтизмы в славянских языках. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1971, 8; Она же. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 107—108.
 - ¹⁶ Добродомов И. Г. Еще раз о слове «балаган». — Русская речь, 1980, 1, 141—144.

Г. Ф. Одинцов